

Время и мы

Доктор Сахарова

Как говорил Киса Воробьянинов, я не ел два дня. И не дышал.

От горла осталась узкая щель. Нет, дышать было, конечно, можно, но не засыпая. Только — сознательным усилием проталкивая воздух сквозь огненные стенки. Ни утро, ни полоскания, ни новые-слоновые дозы антибиотиков — ничто не давало уверенности, что завтрашний поезд на Москву увезет и меня. Была суббота. К доктору?

3-я горбольница, лор-отделение. У двери врача — мужик в тапочках на босу ногу:

— На стенку лезу, друг. Ухо...

Я волнуюсь, примут ли меня на чужом участке, без карточки, хриплю:

— А вы не знаете, Сахарова — хороший врач?

Мужик:

— С такой фамилией не может быть плохой...

Мужик — по виду рабочий, в засаленной рубашке. Он оказался прав.

Выслушав мои причитания, что в Москву не ехать не могу, что в свою поликлинику идти не хочу, — покачала головой и достала скальпель...

Пишу эти строки не для того, чтобы жаловаться на здоровье. Чтобы сказать спасибо вам, доктор Сахарова. За исполованное горло, которым к вечеру смог дышать. Еще раз извините за забрызганный кровью халат. И — спасибо за Москву!..

Так я, делегированный пленумом Краснодарского краевого отделения Союза журналистов СССР, поехал в столицу. Поехал на учредительный съезд Союза журналистов России.

Огни России

«Россия». Хорошая гостиница: ванна, телевизор, холодильничек, ковры, телефон, ехидные этажные:

— А вы как думаете, брать зонтик или не брать? — мой вопрос.

— Я то не вымокну, так что думать нужно вам, — ее ответ.

В буфетах — сосиски и пиво. В ресторанах — водка — почти открыто — на вынос. 0,5 — по 25, 0,7 — по 40. Хочешь кури, хочешь собирай окурки. Или иди на Рижский рынок, где трехлитровая банка бычков 3 рубля.

Когда зажигают огни рестораны, когда вспыхивают прожекторы, и собор Василия Блаженного кажется рождественским тортом, когда некто пузатый выписывает разовый пропуск нашей русской девочке с длиннющими ногами в лиловых блестящих штанах-чулках, тогда затепливает огни свечек антипод «России» — пленочный городок. Здесь, на газончике западного, самого престижного входа, в квадратных прозрачных палаточках живут такие же люди, как и те, кто обосновался в четырехтысячном огненном монстре, в номерах с горничными и биде.

Такие же... Кого уволили с работы, кто-то незаконно оттрубил срок, кто — беженец. Обычное дело... И над городом, на сучковатых полках распят лозунг: «Требуем привлечения к ответу тех,

кто творил над нами беззаконие». Окна «России» освещают крупные неровные буквы. В костюмчике и галстучке, под черным зонтиком, — как молодой инструктор горкома, мечтающий стать первым секретарем, я иду из Колонного зала Дома Союзов. И — не останавливаюсь...

А вы за белых или за красных?

ЗАМЕТКИ ПРОВИНЦИАЛА

«...КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ»

В Колонном зале Дома Союзов, в бывшем здании благородного собрания действительно есть колонны. Белоснежные. И семь с лишним десятков люстр.

Мы, журналисты России, собрались здесь, чтобы учредить свой союз. Зачем? Какой? Об этом и спорили три дня с 10.00 до 18.00.

Не буду утомлять читателя тонкостями профессиональных проблем. Впрочем, где граница?..

Мы говорили об учредителях. А от того, кто учредитель издания, напрямую зависит, получите ли вы, читатель, честную и полную информацию.

Мы говорили о цене на бумагу. Многие газеты с повышением цены на бумагу и услуги Минсвязи будут закрыты. Повысится цена на подписку — упадут тиражи. Если в прошлом году я выпустил на 100 рублей десяток изданий, в том числе толстые литературные журналы, то в этом, если поднимут цены, разорюсь, пожалуй, только на «Огонек» и «Известия».

Мы говорили о бесправии журналистов перед произволом. О нищенской нашей жизни и каторжной работе...

А у кого она, жизнь, иная?

Что делать?

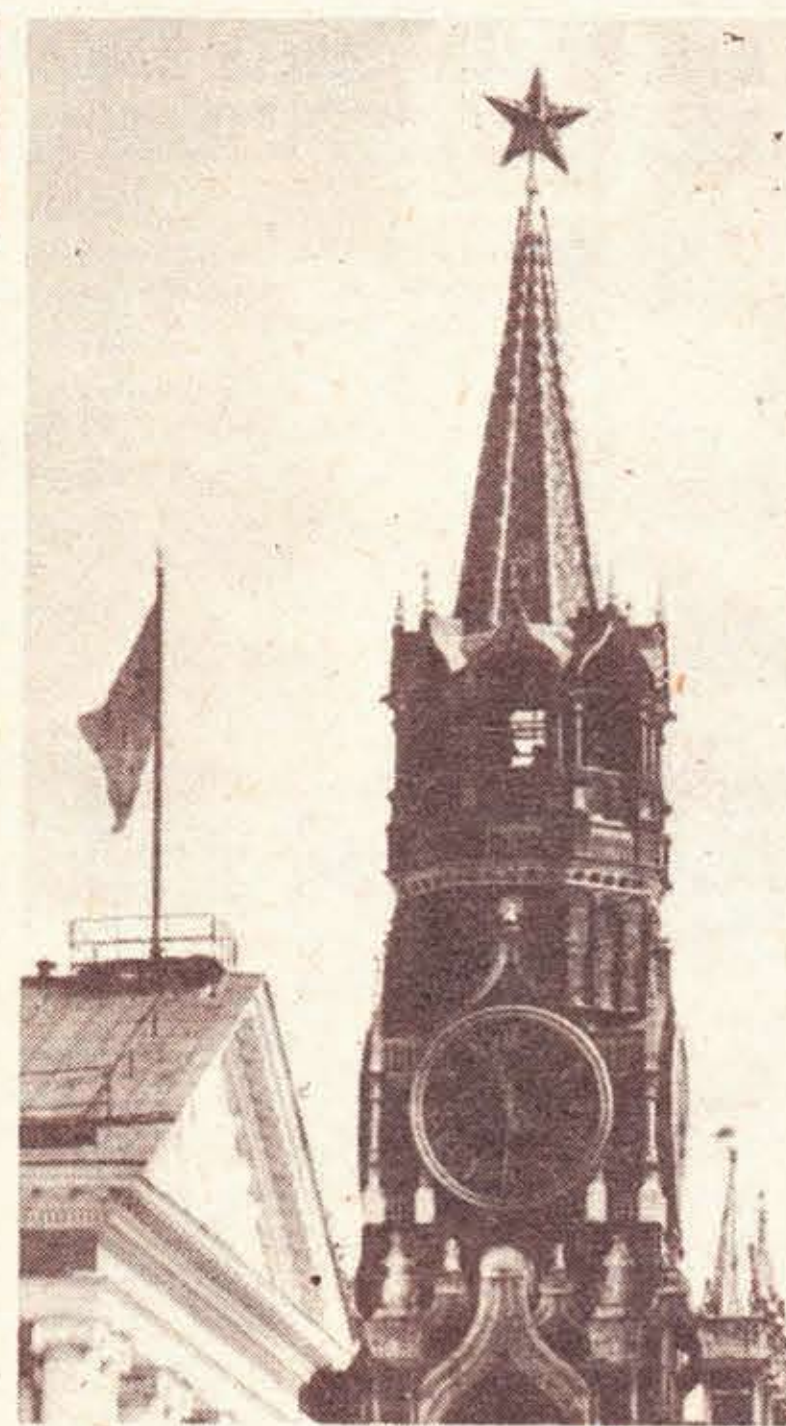
Лично я, выступая на съезде, настаивал на создании профсоюза журналистов. Не творческого Союза — профессионального. Творчество-то у нас можно оторвать только вместе с руками и головой, а профессию — куда как проще. Бывает, что и телефонного звонка для этого вполне достаточно.

Съезд удался. Но, на мой взгляд, пошел пока на менее радикальные шаги. Декларировав в принципе создание Союза журналистов РСФСР, мы не приняли ни одного из аппаратно подготовленных документов — ни Устава СЖ, ни Устава журфонда. Решили подумать над ними месяц-полтора. И потом собраться снова.

А пока — главное! — создали забас-

товочный комитет. Вот это — дело. Бастует одна газета — против телефонного права ли, против ли повышения цен — скушать ее коллектив можно. Скушать и посадить инструкторов. А попробуй-те-ка уволить с работы всех российских журналистов! Дудки!

Кстати. Москвичи и ленинградцы отказались было участвовать в нашем съезде. Зачем им, имеющим и независимые газеты, и свои огромные, добытые потом и кровью за счет коммерческой деятельности фонды, еще одна аппарат-

ная структура? Так я до сих пор не пойму: зачем рядовому члену КПСС вступать в РКП? Ну зачем?

Но когда они убедились, что не «полозковцы» мы, провинциальные журналисты, а скорее все-таки, так сказать, «ельцинцы» — заявили о непременно участии во втором этапе съезда: мы будем бороться вместе!

Московские новости

Вот, если вкратце. А вообще из Москвы привез много других новостей. Например, что будет издана Белая книга экономических преступлений КПСС.

Что КПСС будет принадлежать не более 30 процентов изданий России и ни одно из них не получит дотаций от правительства. А все дотации и льготы — советским органам. И еще тем независимым, кто поставит своей целью воспитание культуры, нравственности, добра.

Что российский закон о свободе слова будет куда более радикален.

Что будет нам, журналистам, повышение зарплаты и не такое, как сегодня, которое фактически предлагает завозить при редакциях свинофермы для рентабельности...

Написал и остановился.

Жизнь научила не верить.

Даже Ельцину...

Я верю Васе. С ним я знаю ответ на вопрос «делать жизнь с кого».

Трудно писать эту главку — вдруг газета попадет в Москву, в его руки. Скажет: что ж ты, дурак, расписался. Вася ненавидит журналистов. Он — физик. Но меня терпел как родственника. К тому же я ему хорошие книжки покупал в Колонном зале: он ахал. Москвич, а такого в продаже не видывал: книга рекордов Гиннеса, Солженицын, «Доктор Живаго», Вознесенский, Бердяев, Ремарк, Апдайк...

Мы сидели вечерами-ночами в его роскошной московской квартире. И эти вечера — самое ценное, самое светлое московское впечатление.

Вася — физик, атомщик, заведует лабораторией.

В первые месяцы после катастрофы он бегал по крыше четвертого черномыльского реактора с приборами — схватил 100 рентген. Не по глупости, зная, на что шел.

При шестистах отваливается мясо от костей.

Он болен.

— Вася, тебе нравится жить в Москве?

— Это единственная возможность жить.

Сложнейшие операции на кровеносных сосудах во Франции, в московских клиниках. Сделали бы их в армавирской третьей горбольнице? Это не ангина.

До сих пор его работа — Чернобыль. До сих пор идет война с четвертым реактором. Впрочем, об этом сейчас много и красочно пишут. Я никогда не пишу ни строчки о Чернобыле. Дал слово Васе.

— Ты знаешь, Костя. Самое страшное, что давно нет того сна, когда вжмнешься по-детски в подушку, просыпаясь — утро, радость... Просто проваливаюсь в черную пропасть, просыпаюсь чаще всего от боли.

— Знаешь, Костя, не верь никаким рассказам о Чернобыле, кто бы к тебе ни пришел, как бы ни бил себя в грудь. Чернобыль — это за пределами здравого смысла.

Ветерок над Москва-рекой

Я выбирал: или встреча со Станиславом Говорухиным в Центральном Доме журналиста, или — показать дочке Москву. Решил: надоели ужасы, не хочешь «Так жить нельзя!».

Я знаю, я помню, как важны детские впечатления, как закладываются они нравственные основы всей жизни. Не проповедь воспитывает — тонкое, легкое впечатление, дуновение ветерка над Москва-рекой, мой жест в сторону Кремля, мой темп шагов по бульвару Красной площади.

Я аполитизировал Красную площадь.

Это — не политика.

Этот горбатый бульжничек — не демонстраций.

Здесь, над ним, — в ясном московском небе — твоя душа.

— Ты — русская. А это — Россия! Это твоя Родина, дочь. Смотри, какая красивая церковь, как часики звенят...

Константин КРИКУНОВ